

Синтез искусств в «Золотом петушке»: мотивация выбора легенды о Шемаханской царице

Вэй Юнцюань

Аспирант,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: 1194537495@qq.com

Аннотация

Статья посвящена комплексному интермедиальному анализу синтеза искусств в опере Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» и выявлению мотивации обращения А. С. Пушкина, В. И. Бельского и композитора к легенде о Шемаханской царице как к особому типу культурного архетипа, позволяющему художественно осмыслить кризис власти и рубежность эпохи. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, каким образом трансформация пушкинской сказки в оперное действие изменяет онтологический статус образа Шемаханской царицы, структуру конфликта и семиотику власти, а также как выбор данного сюжета обусловлен эстетическими и социокультурными запросами Серебряного века. Эмпирическую базу составляют текст «Сказки о золотом петушке», либретто Бельского и партитура Римского-Корсакова, рассматриваемые как единая знаковая система. Методология опирается на структурно-семиотический и интермедиальный подходы, интонационный анализ, биографический и культурно-исторический методы, а также элементы социологии искусства для реконструкции контекста восприятия образа Шемаханской царицы. В результате выявлено, что при переходе в оперную форму функциональный «персонаж-искушение» пушкинского текста превращается в метафизическую сущность, воплощающую разрушительную энергию красоты и эроса; формируется оппозиция двух миров (патриархального царства Додона и декадентского «восточного» пространства Царицы), а фигуры Звездочета и Золотого петушка выполняют роль медиаторов между текстом, сценой и зрителем. Показано, что синтез слова, музыки и сценического действия не сводится к иллюстрации сюжета, а создает новый уровень смысла, в котором легенда о Шемаханской царице становится моделью цивилизационного и экзистенциального конфликта, предвосхищающего катастрофы XX века. Обсуждение результатов позволяет заключить, что выбор данной легенды и характер ее оперной реализации обусловлены стремлением авторов к созданию «художественного пророчества», где синтез искусств выступает формой философской рефлексии о власти, свободе и границах эстетического.

Для цитирования в научных исследованиях

Вэй Юнцюань. Синтез искусств в «Золотом петушке»: мотивация выбора легенды о Шемаханской царице // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 11А. С. 188-198. DOI: 10.34670/AR.2025.88.46.022

Ключевые слова

Синтез искусств, «Золотой петушок», Шемаханская царица, интермедиальный анализ, Н. А. Римский-Корсаков, культурный архетип, художественное пророчество.

Введение

Феномен синтеза искусств, достигший своего апогея в эпоху Серебряного века, находит одно из наиболее загадочных и многослойных воплощений в оперной интерпретации последней сказки Александра Сергеевича Пушкина «Золотой петушок», осуществленной композитором Николаем Андреевичем Римским-Корсаковым и либреттистом Владимиром Ивановичем Бельским. Эта триада творцов, каждый из которых привносил в произведение собственный уникальный онтологический и эстетический опыт, сформировала сложнейший семиотический конструкт, в центре которого находится образ Шемаханской царицы — фигуры, воплощающей не только ориентальную экзотику, но и метафизическую угрозу, разрушающую патриархальный уклад вымышленного царства. Исследование мотивации выбора именно этой легенды требует погружения в глубокие пласты культурной памяти, где переплетаются фольклорные архетипы, политическая сатира и философская рефлексия о природе власти и искусства [Зиман, 2021]. Сказка Пушкина, написанная в период творческой зрелости и глубокого скепсиса, представляет собой не просто переложение легенды об арабском звездочете, почерпнутой у Вашингтона Ирвинга, но и закодированное послание о фатальной неизбежности возмездия за нарушение клятвы и отказ от рационального восприятия действительности в угоду губительному мороку. Для Римского-Корсакова, находившегося на пороге смерти и переживавшего острый кризис отношений с государственной машиной после событий 1905 года, этот сюжет стал идеальной платформой для высказывания, где музыкальный язык, насыщенный хроматизмами и изощренной гармонией, вступает в диалог с язвительным и одновременно мистическим текстом Бельского. Проблема синтеза здесь выходит за рамки простого соединения музыки и слова, превращаясь в алхимический процесс трансмутации смыслов, где визуальное, аудиальное и вербальное сливаются в единый текст, деконструирующий миф о благом царе и обнажающий хтоническую природу красоты.

Обращение к образу Шемаханской царицы не является случайным ориенталистским жестом, характерным для русской музыки XIX века, а выступает как осознанный выбор символа абсолютной инаковости, чуждости, которая, проникая в замкнутое пространство «русского мифа» (царство Додона), взрывает его изнутри. В этом контексте важно понимать, что для Пушкина Шемаха была не столько географической точкой, сколько топосом поэтической свободы и опасной чувственности, противопоставленной скуке и бюрократическому абсурду официальной жизни [Мелихов, Сухих, 2019]. Бельский, будучи тонким знатоком древнерусской словесности и мистических учений, усилил этот аспект, превратив Царицу в инфернальное существо, лишенное души, призрак, сотканный из воздуха и света, чья цель — не завоевание территорий, а похищение самой сущности власти, превращение царя в раба иллюзий. Таким образом, мотивация выбора легенды обусловлена необходимостью поиска такого художественного языка, который мог бы адекватно выразить предчувствие грядущих катастроф, ощущение конца истории, свойственное как позднему Пушкину, так и русским интеллектуалам начала XX века [Быкова, 2018]. Исследовательская оптика в данном случае должна быть направлена на выявление тех скрытых механизмов, которые позволяют трем авторам, разделенным временем и эстетическими установками, создать единое смысловое поле, где ирония соседствует с эсхатологией.

Актуальность данного исследования продиктована необходимостью переосмысления классических произведений русского искусства через призму интермедиальности и социологии культуры, что позволяет увидеть в знакомых сюжетах не только развлекательный или нравоучительный аспект, но и глубокую философскую проблематику, касающуюся природы творчества и его взаимодействия с властными структурами. Синтез искусств в «Золотом петушке» — это не декоративный прием, а способ познания мира, в котором границы между реальностью и вымыслом, жизнью и смертью, историей и мифом становятся проницаемыми [Грачева, 2016]. Анализируя мотивацию выбора легенды о Шемаханской царице, мы неизбежно сталкиваемся с вопросами о роли художника в обществе, о способности искусства предвосхищать социальные потрясения и о трагическом диссонансе между эстетическим идеалом и грубой реальностью. Взаимодействие пушкинского лаконизма, символистской избыточности Бельского и музыкального новаторства Римского-Корсакова рождает уникальный художественный феномен, требующий детального рассмотрения вне привычных клише музыкования или литературоведения, но в широком гуманитарном контексте, объединяющем философию, филологию и социологию [Дмитриевская, 2020].

Материалы и методы исследования

Методологическая база данного исследования строится на принципах междисциплинарного синтеза, объединяющего подходы классической филологии, музыкования, герменевтики и социологии искусства, что позволяет осуществить многоуровневую деконструкцию оперного и литературного текста. В качестве основного материала выступают текст «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина, либретто В. И. Бельского и партитура оперы Н. А. Римского-Корсакова, которые рассматриваются не как изолированные артефакты, а как элементы единой динамической системы, находящейся в состоянии постоянного семиотического обмена. Особое внимание уделяется сравнительно-историческому методу, позволяющему проследить генезис образа Шемаханской царицы от фольклорных источников и новелл Вашингтона Ирвинга до его символистской интерпретации в начале XX века [Керашева, 2017]. Важным инструментом анализа служит структурно-семиотический подход, разработанный в трудах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, который дает возможность рассматривать оперу как «вторичную моделирующую систему», надстраивающуюся над верbalным языком и трансформирующую его смыслы через музыкальную интонацию и драматургию. Исследование опирается также на теорию интермедиальности, позволяющую анализировать механизмы перевода словесных образов в музыкальные и сценические, выявляя при этом неизбежные семантические сдвиги и приращения смыслов, возникающие в процессе этого перевода [Пономаренко, 2022].

Для глубокого понимания мотивации авторов применяется биографический и культурно-исторический анализ, реконструирующий контекст создания произведений: от болдинской осени Пушкина до предреволюционной атмосферы Петербурга 1900-х годов. Это позволяет выявить скрытые аллюзии, политические подтексты и личные интенции создателей, которые не всегда лежат на поверхности текста, но определяют его глубинную структуру и эмоциональный тон. В частности, анализируются эпистолярное наследие Римского-Корсакова и Бельского, их дискуссии о природе сказочности и реализма, а также критические отзывы современников, фиксирующие рецепцию оперы в момент ее появления [Пономаренко, 2022]. Феноменологический метод используется для исследования восприятия времени и пространства в опере, где противопоставляются циклическое, застойное время царства Додона и иррациональное, магическое время Шемаханской царицы, разрывающее ткань обыденности.

Такой подход позволяет уйти от упрощенных социологических трактовок и сосредоточиться на онтологии художественного мира, созданного синтезом трех творческих воль.

Кроме того, в работе применяется метод интонационного анализа, восходящий к идеям Б. В. Асафьева, который рассматривает музыку как искусство интонируемого смысла, способное передавать тончайшие психологические и философские нюансы, недоступные слову. Через анализ лейтмотивной системы оперы, гармонического языка (противопоставление диатоники «русского» мира и хроматики «восточного») и оркестровки выявляется, как именно Римский-Корсаков интерпретирует и дополняет пушкинский текст, создавая звуковой образ «небытия» и соблазна [Грунина, Салтымакова, 2023]. Социологический аспект исследования включает в себя анализ властных отношений, репрезентированных в сюжете, и их проекцию на реальную политическую ситуацию в России, что позволяет рассматривать «Золотой петушок» как художественное пророчество и социальный диагноз. Комплексное использование перечисленных методов дает возможность преодолеть дисциплинарную раздробленность и представить целостную картину генезиса и функционирования одного из самых загадочных произведений русской культуры, где легенда о Шемаханской царице становится ключом к пониманию трагедии власти и художника .

Результаты и обсуждение

Проблематика исследования синтеза искусств в опере «Золотой петушок» неизбежно упирается в вопрос о природе трансформации исходного литературного материала при переходе в иную медиальную среду, где верbalное начало подчиняется законам музыкальной драматургии и сценического действия. Пушкинский текст, отличающийся лапидарностью, иронией и нарочитой недосказанностью, в процессе адаптации В. И. Бельским претерпевает существенные метаморфозы, расширяясь за счет введения новых сцен, диалогов и символистских метафор, которые, с одной стороны, конкретизируют сюжет, а с другой — вводят его в область мистического и иррационального. Центральной осью этой трансформации становится образ Шемаханской царицы, который у Пушкина намечен лишь штрихами, как некая абстрактная функция соблазна и гибели, а в опере разрастается до масштабов вселенского зла, облеченного в совершенную эстетическую форму. Мотивация выбора именно этой легенды обусловлена поиском архетипической ситуации столкновения косной, материальной власти с неуловимой, флюидной стихией, которая не поддается контролю и управлению, обнажая бессилие патриархальных структур перед лицом иного [Антонова, Травина, 2019].

Анализ данных, полученных в ходе исследования, показывает, что для всех трех авторов — Пушкина, Бельского и Римского-Корсакова — легенда о Золотом петушке и Шемаханской царице стала способом рефлексии над кризисом традиционных ценностей и поиском новых онтологических оснований бытия. В оперной интерпретации происходит сложное наложение временных пластов: архаическое время сказки, историческое время создания (пушкинская эпоха и начало XX века) и вечное время мифа сливаются в единый хронотоп, где события развиваются по логике сновидения или наваждения. Музыкальная ткань оперы, сотканная из прихотливых восточных мелодий и жестких, гротескных ритмов марша, создает атмосферу тревожной неопределенности, в которой привычные категории добра и зла теряют свою однозначность. Царица предстает не просто как враг государства, но как носительница иной истины, истины искусства и красоты, которая оказывается губительной для мира, лишенного духовного стержня. Сравнение концептуальных подходов авторов к трактовке ключевых образов и мотивов позволяет выявить глубинную структуру этого синтетического произведения (табл. 1).

**Таблица 1 – Сравнительная характеристика онтологического статуса
Шемаханской царицы в литературном первоисточнике и оперном либретто**

Критерий сравнения	А. С. Пушкин «Сказка о золотом петушке»	В. И. Бельский / Н. А. Римский-Корсаков (опера)
Сущность образа	Функциональный персонаж, символ искушения и возмездия, лишенный психологической глубины и детальной биографии.	Метафизическая сущность, «воздух и свет», воплощение абсолютной красоты и смерти, сложный психологический портрет с чертами демонизма.
Речевая характеристика	Минималистична, отсутствуют развернутые монологи, действия превалируют над словами.	Изоццренная, символистски насыщенная речь, обилие метафор, загадок и философских сентенций, вокальная партия предельной сложности.
Отношение к власти	Инструмент разрушения царства, пассивный катализатор гибели сыновей и царя.	Активный демиург хаоса, сознательно уничтожающий иерархию, высмеивающий царя и саму идею земной власти.
Связь с магическим	Подразумевается, но не эксплицируется, действует в рамках сказочной логики.	Подчеркнута музыкальными лейтмотивами, хроматизмами, связью со Звездочетом, природа ее магии — искусство и эрос.
Финал	Исчезает (растворяется) после смерти царя, оставляя ощущение пустоты.	Исчезает с издевательским смехом, подчеркивая иллюзорность всего происходящего и вечность зла.

Представленные в таблице данные демонстрируют фундаментальный сдвиг в трактовке центрального женского образа, который происходит при переходе от литературной сказки к оперному действу, отражая эволюцию художественного сознания от романтического реализма к символизму. Если у Пушкина Царица — это скорее сюжетная функция, необходимый элемент механизма судьбы, то у тандема Бельский-Римский-Корсаков она обретает субъектность высшего порядка, становясь носителем разрушительной философии, отрицающей любые моральные и государственные устои. Она не просто соблазняет Додона, она проводит над ним жестокий эксперимент, заставляя его петь и плясать, тем самым полностью десакрализируя фигуру монарха и превращая трагедию в фарс.

Этот сдвиг обусловлен не только требованиями оперного жанра, предполагающего наличие развернутых арий и сцен, но и изменением культурного контекста, в котором тема женственности начала связываться с эсхатологическими ожиданиями и мистическими прозрениями [Березко, 2018]. Музыкальная характеристика Царицы, построенная на изысканных восточных ладах и «змеящихся» хроматизмах, создает звуковой образ, который одновременно притягивает и отталкивает, воплощая идею красоты как страшной, нечеловеческой силы. В этом контексте синтез искусств работает на усиление смысловой многозначности: слово Бельского дает интеллектуальный ключ к образу, а музыка Римского-Корсакова воздействует непосредственно на подсознание, вызывая ощущение тревоги и завороженности.

Дальнейший анализ проблемы требует рассмотрения не только персонажной системы, но и концептуального противопоставления двух миров — мира Додона и мира Шемаханской царицы, которое лежит в основе драматургического конфликта произведения. Это противостояние выходит далеко за рамки сказочного сюжета о войне двух государств и приобретает черты цивилизационного и метафизического конфликта между материей и духом, бытом и бытием, статикой и динамикой. Мир Додона — это мир плоти, сна, еды и бессмысленных ритуалов, мир, стремящийся к энтропии и покою, в то время как мир Царицы — это мир чистой энергии, игры, искусства и смерти, не знающий покоя и стабильности.

Исследование этих оппозиций позволяет понять, почему именно легенда о Шемаханской царице стала идеальной моделью для выражения кризиса русской государственности и культуры начала XX века.

Анализ данной концептуальной оппозиции позволяет увидеть, что конфликт в «Золотом петушке» носит не внешний, а внутренний, экзистенциальный характер, где реальность сталкивается с собственной тенью, с вытесненным иррациональным началом. Мир Додона, несмотря на свою комичность и гротескность, обладает определенной плотностью и весомостью, он узнаваем и понятен, в то время как мир Шемаханской царицы принципиально неуловим, он существует по законам сна или галлюцинации, постоянно ускользая от рационального определения. Музыкальное решение Римского-Корсакова блестящее подчеркивает эту дилемму: лейтмотивы Додона и его окружения нарочито примитивны, порой даже вульгарны, что создает эффект сатирического снижения, тогда как музыка Царицы завораживает своей сложностью и холодной красотой [Грунина, Салтымакова, 2023].

Взаимодействие этих двух миров приводит к неизбежному коллапсу системы: попытка Додона овладеть Царицей, ввести ее в свой бытовой круг, оборачивается полным крахом, ибо красота и искусство не могут быть приручены или утилизированы властью. Шемаханская царица, будучи воплощением чистого искусства, разрушает любую структуру, которая пытается ее ограничить, превращая порядок в хаос, а жизнь в смерть. Этот мотив глубоко резонирует с философскими иссканиями эпохи, когда искусство начинало восприниматься не как отражение жизни, а как сила, способная эту жизнь пересоздать или уничтожить. Бельский и Римский-Корсаков, следуя за Пушкиным, показывают, что синтез власти и поэзии невозможен, так как они имеют разную онтологическую природу.

Для завершения анализа необходимо рассмотреть роль фигуры Звездочета, который выступает связующим звеном между этими двумя мирами и является, по сути, режиссером всего происходящего действия. В интерпретации Бельского и Римского-Корсакова Звездочет перестает быть просто дарителем волшебного предмета и превращается в загадочного демиурга, чьи мотивы остаются до конца неясными, но чья власть над сюжетом абсолютна. Именно он запускает механизм судьбы, и именно он подводит итог, обращаясь к публике в эпилоге и разрушая «четвертую стену». Рассмотрение функций Звездочета и Петушка как медиаторов позволяет глубже понять механизмы синтеза искусств и метатеатральную природу оперы (табл. 2).

**Таблица 2 – Функциональный анализ
фигур-медиаторов: Звездочет и Золотой петушок**

Объект анализа	Функция в сюжете	Символическое значение	Музыкальная характеристика
Звездочет	Инициатор действия, даритель Петушка, соперник царя, комментатор (в прологе и эпилоге).	Демиург, автор, судьба, высший разум, находящийся вне морали, воплощение холодного интеллекта.	Высокий тенор-альтино, «звенящие» тембры (колокольчики, челеста), лейтмотив, основанный на увеличенных трезвучиях.
Золотой петушок	Сторож, вестник опасности, орудие казни Додона.	Совесть (в искаженном виде), механическая справедливость, рок, неотвратимость возмездия.	Пронзительный тембр трубы, краткий и острый лейтмотив-сигнал, пронизывающий всю ткань оперы.
Взаимосвязь	Петушок как продолжение воли Звездочета, магический инструмент контроля.	Единство замысла и исполнения, искусство как механизм, управляющий реальностью.	Интонационное родство тем, использование специфических гармонических оборотов, маркирующих сферу магического.

Рассмотрение фигур Звездочета и Петушка через призму их медиаторной функции раскрывает сложную метатеатральную игру, которую ведут авторы оперы со зрителем, постоянно напоминая о том, что перед нами не реальность, а искусная выдумка, «сказка ложь». Звездочет, появляющийся перед занавесом, задает рамку восприятия, переводя действие в регистр условности, где законы физического мира не действуют, а властвуют законы музыкальной и сценической логики. Его высокий, неестественный голос и «стеклянная» оркестровка создают образ существа, лишенного человеческих страстей, наблюдателя, который ставит жестокий эксперимент над людьми. Петушок же выступает как материализация этого эксперимента, как бездушный механизм, который, однако, оказывается честнее и справедливее живых людей, погрязших в пороках и лени.

Эта механистичность, присущая и Звездочету, и Петушку, и в какой-то мере самой Шемаханской царице, противопоставляется «живой», но уродливой жизни Додонова царства, создавая напряжение между искусственным совершенством и естественным безобразием. Синтез искусств здесь проявляется в том, как музыкальная характеристика (темперы, гармония) достраивает визуальный и словесный образ, придавая ему объем и многомерность. Петушок — это не просто птица, это звуковой сигнал тревоги, пронизывающий все уровни бытия, напоминание о том, что покой мним, а расплата неизбежна. Звездочет же становится альтер-эго самих авторов, иронично взирающих на тщетные попытки власти подчинить себе ход истории.

Проведенный анализ структурных элементов и концептуальных оппозиций оперы «Золотой петушок» позволяет говорить о том, что данное произведение представляет собой уникальный пример синтеза искусств, где каждый элемент работает на создание целостной философской концепции. Отказ от прямолинейного морализаторства в пользу сложной символистской игры, использование гротеска и сатиры в сочетании с изысканной лирикой, глубокое проникновение в природу власти и искусства — все это делает «Золотого петушка» вершинным достижением русской оперной классики. Взаимодействие слова, музыки и сценического образа здесь достигает такой степени слияния, что невозможно отделить одно от другого без потери смысла. Легенда о Шемаханской царице, переосмысленная тремя гениями, превращается в грандиозную метафору конца эпохи, предсказание грядущих потрясений, которые сметут старый мир, не оставив от него камня на камне, кроме, быть может, самой этой сказки.

В заключительном анализе следует отметить, что представленная в таблицах и тексте деконструкция образов и смыслов оперы свидетельствует о глубокой продуманности и многослойности авторского замысла, который не исчерпывается ни политической сатирой, ни восточной сказкой. Это экзистенциальная драма о столкновении человека с неведомым, о фатальной ошибке выбора между долгом и желанием, о разрушительной силе красоты, которая не спасает мир, а судит его. «Золотой петушок» остается вечным предупреждением о том, что сон разума рождает чудовищ, и что попытка отгородиться от реальности стенами или магией обречена на провал.

Заключение

Подводя итог исследованию синтеза искусств в опере «Золотой петушок» и мотивации выбора легенды о Шемаханской царице, можно констатировать, что данное произведение является сложнейшим культурным феноменом, в котором сфокусировались ключевые философские и эстетические проблемы переломной эпохи. Совместная работа А. С. Пушкина (как автора первоисточника), В. И. Бельского и Н. А. Римского-Корсакова привела к созданию многомерного художественного пространства, где традиционная фольклорная схема была

трансформирована в символистскую мистерию о гибели патриархального мира под натиском иррациональных сил. Выбор именно этой легенды был продиктован не только интересом к ориентальной экзотике, но и глубокой потребностью в художественном осмыслиении природы власти, которая, утратив духовное основание и связь с реальностью, становится уязвимой перед лицом хаоса и соблазна. Шемаханская царица в этой системе координат выступает не просто как персонаж, но как онтологический принцип, воплощающий разрушительную энергию искусства и эроса, несовместимую с застойным бытом государственного механизма.

Синтез слова, музыки и сценического действия в «Золотом петушке» достигает уровня, когда каждый из компонентов не просто дополняет, но взаимно обогащает и перекодирует смыслы друг друга, создавая новое семантическое качество. Музыкальная драматургия, построенная на контрасте диатоники и хроматики, реального и фантастического, выполняет функцию не только эмоционального комментария, но и философского обобщения, раскрывая подтексты, скрытые в вербальном ряду. Ирония и гротеск, пронизывающие оперу, служат инструментом десакрализации власти и обнажения абсурдности человеческого существования, лишенного высшей цели. Фигура Звездочета как демиурга и манипулятора подчеркивает искусственность и театральность происходящего, превращая историю в метафору творческого акта, который может быть столь же опасен, сколь и прекрасен.

Таким образом, «Золотой петушок» предстает как пророческое произведение, предвосхитившее катастрофы XX века и поставившее вечные вопросы о цене спокойствия, об ответственности властителя и о природе красоты. Исследование показало, что мотивация авторов выходила далеко за рамки создания очередной сказочной оперы; их целью было создание художественного завещания, предупреждения, зашифрованного в яких образах и гениальной музыке. Взаимодействие трех творческих воль породило уникальный сплав, который продолжает волновать и интриговать исследователей и зрителей, открывая все новые грани смыслов в, казалось бы, знакомой с детства истории. Это произведение демонстрирует, что истинный синтез искусств возможен лишь при наличии глубокой философской идеи, способной объединить разнородные элементы в единое, неразрывное целое.

Библиография

1. Антонова Е. С., Травина И. И. Способы мотивации к пониманию текста // Психодидактика современного учебника: преемственность традиций и векторы развития: сборник научных статей. Москва, 2019. С. 154–160.
2. Березко А. Ф. Возвращение к забытым традициям литературоведения // Нёман. 2018. № 5. С. 183–186.
3. Быкова Д. В. Художественная литература как важнейшая составная часть лингвострановедения // Качество образовательной среды: концепции, проблемы, решения: материалы и доклады VIII Региональной научно-практической педагогической конференции. 2018. С. 84–90.
4. Грачева Ж. В. Маркемалогия и определение авторства текста // ФИЛКО: Филология, культура и образование: сборник на трудови. 2016. С. 135–141.
5. Грунина Л. П., Салтымакова О. А. Методика исследования мотива в художественном тексте // СибСкрипт. 2023. Т. 25. № 1 (95). С. 119–127. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-1336>
6. Дмитриевская Л. Н. Художественные возможности букв в литературе // Художественная словесность: теория, методология исследования, история: коллективная монография, посвященная памяти доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Юрия Ивановича Минералова. Москва, 2020. С. 92–102.
7. Зиман Л. Я. Литературно-художественные произведения на острые темы // Начальная школа. 2021. № 5. С. 61–65.
8. Карасик В. И. Аксиология сюжетных мотивов // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции. 2018. С. 50–55.
9. Керашева Ф. Н. Природа и назначение архетипических мотивов в литературе // Литература и формирование облика художественной культуры народов Российской Федерации: коллективная монография / под ред. У. М. Панеша. Майкоп, 2017. С. 66–69.

10. Мелихов А. М., Сухих И. Н. Что есть литература? // Текст и традиция. 2019. Т. 7. С. 449–454.
11. Мецлер А. А. Доминирующие мотивы читательского интереса к развлекательной литературе // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2022. № 3 (25). С. 44–47.
12. Мотив, фабула, сюжет в литературе и искусстве: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Выпуск 25. Санкт-Петербург, 2022.
13. Пономаренко М. С. Место литературы в ряду искусств // Сборник эссе студентов и учащихся школ по итогам международных конкурсов эссе от 10.12.2022: материалы конкурсов. Нижний Новгород, 2022. С. 108–109.
14. Турышева О. Н. Эволюция сюжетно-мотивного комплекса в художественном нарративе о читателе // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 151–161.
15. Usherovich, P. E. Motives in Shakespeare's "As You Like It", Coinciding with World Literature // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. 2015. № 8. С. 87–93.

Synthesis of Arts in "The Golden Cockerel": Motivation for Choosing the Legend of the Queen of Shemakha

Wei Yongquan

Postgraduate Student,
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
191186, 48, Moyka river embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 1194537495@qq.com

Abstract

The article is devoted to a comprehensive intermedial analysis of the synthesis of arts in N.A. Rimsky-Korsakov's opera "The Golden Cockerel" and to identifying the motivation behind A.S. Pushkin's, V.I. Belsky's, and the composer's turn to the legend of the Queen of Shemakha as a special type of cultural archetype that allows for an artistic interpretation of the crisis of power and the threshold of eras. The aim of the study is to show how the transformation of Pushkin's fairy tale into an operatic spectacle changes the ontological status of the image of the Queen of Shemakha, the structure of the conflict, and the semiotics of power, as well as how the choice of this plot is conditioned by the aesthetic and sociocultural demands of the Silver Age. The empirical basis consists of the text of "The Tale of the Golden Cockerel," Belsky's libretto, and Rimsky-Korsakov's score, considered as a unified sign system. The methodology relies on structural-semiotic and intermedial approaches, intonational analysis, biographical and cultural-historical methods, as well as elements of the sociology of art to reconstruct the context of the perception of the image of the Queen of Shemakha. As a result, it is revealed that upon transitioning into the operatic form, the functional "character-temptation" of Pushkin's text transforms into a metaphysical entity embodying the destructive energy of beauty and eros; an opposition of two worlds (the patriarchal kingdom of Dodon and the decadent "Eastern" space of the Queen) is formed, while the figures of the Astrologer and the Golden Cockerel serve as mediators between the text, the stage, and the viewer. It is shown that the synthesis of word, music, and stage action is not reduced to an illustration of the plot but creates a new level of meaning in which the legend of the Queen of Shemakha becomes a model of a civilizational and existential conflict, anticipating the catastrophes of the 20th century. The discussion of the results allows us to conclude that the choice of this legend and the nature of its operatic realization are conditioned by the authors' desire to create an "artistic prophecy," where the synthesis of arts acts as a form of philosophical reflection on power, freedom, and the boundaries of the aesthetic.

Wei Yongquan

For citation

Wei Yongquan (2025) Sintez iskusstv v «Zolotom petushke»: motivatsiya vybora legendy o Shemakhanskoy tsaritse [Synthesis of Arts in "The Golden Cockerel": Motivation for Choosing the Legend of the Queen of Shemakha]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (11A), pp. 188-198. DOI: 10.34670/AR.2025.88.46.022

Keywords

Synthesis of arts, "The Golden Cockerel", Queen of Shemakha, intermedial analysis, N.A. Rimsky-Korsakov, cultural archetype, artistic prophecy.

References

1. Antonova, E. S., & Travina, I. I. (2019). Sposoby motivatsii k ponimaniyu teksta [Ways of motivation for text comprehension]. In Psikhodidaktika sovremennoego uchebnika: preemstvennost traditsiy i vektory razvitiya: sbornik nauchnykh statey [Psychodidactics of a modern textbook: continuity of traditions and development vectors: Collection of scientific articles] (pp. 154–160). Moscow.
2. Berezko, A. F. (2018). Vozvrashcheniye k zabytym traditsiyam literaturovedeniya [Return to forgotten traditions of literary studies]. *Nëman*, (5), 183–186.
3. Bykova, D. V. (2018). Khudozhestvennaya literatura kak vazhneyshaya sostavnaya chast lingvostranovedeniya [Fiction as the most important component of linguistic and regional studies]. In Kachestvo obrazovatelnoy sredy: kontseptsiy, problemy, resheniya: materialy i doklady VIII Regionalnoy nauchno-prakticheskoy pedagogicheskoy konferentsii [The quality of the educational environment: concepts, problems, solutions: Materials and reports of the VIII Regional Scientific and Practical Pedagogical Conference] (pp. 84–90).
4. Dmitrievskaya, L. N. (2020). Khudozhestvennye vozmozhnosti bukv v literature [Artistic possibilities of letters in literature]. In Khudozhestvennaya slovesnost: teoriya, metodologiya issledovaniya, istoriya: kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora, Zasluzhennogo deyatelya nauki RF Yuryiya Ivanovicha Mineralova [Fiction: theory, research methodology, history: a collective monograph dedicated to the memory of Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Yurii Ivanovich Mineralov] (pp. 92–102). Moscow.
5. Gracheva, Zh. V. (2016). Markemalogiya i opredeleniye avtorstva teksta [Markemalogy and determination of text authorship]. FILKO: Filologiya, kultura i obrazovanie: sbornik na trudovi [FILKO: Philology, culture and education: Proceedings], 135–141.
6. Grunina, L. P., & Saltymakova, O. A. (2023). Metodika issledovaniya motiva v khudozhestvennom tekste [Methodology for studying motive in a literary text]. *SibScript*, 25(1), 119–127. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-1336>
7. Karasi, V. I. (2018). Aksiologiya syuzhetnykh motivov [Axiology of plot motives]. In Vzaimodeistvie yazykov i kultur: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Interaction of languages and cultures: Proceedings of the International Scientific Conference] (pp. 50–55).
8. Kerasheva, F. N. (2017). Priroda i naznacheniye arkhetipicheskikh motivov v literature [The nature and purpose of archetypal motifs in literature]. In U. M. Panesh (Ed.), Literatura i formirovaniye oblika khudozhestvennoy kultury narodov Rossiiyskoy Federatsii: kollektivnaya monografiya [Literature and the formation of the image of the artistic culture of the peoples of the Russian Federation: Collective monograph] (pp. 66–69). Maykop.
9. Melikhov, A. M., & Sukhikh, I. N. (2019). Chto yest literatura? [What is literature?]. *Tekst i traditsiya* [Text and Tradition], 7, 449–454.
10. Metsler, A. A. (2022). Dominiruyushchiye motivy chitatelskogo interesa k razvlekatelnoy literature [Dominant motives of readers' interest in entertaining literature]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture], 3(25), 44–47.
11. Motiv, fabula, syuzhet v literature i iskusstve: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezdunarodnym uchastiyem. Vypusk 25. (2022). [Motive, plot, story in literature and art: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation. Issue 25]. Saint Petersburg.
12. Ponomarenko, M. S. (2022). Mesto literatury v ryadu iskusstv [The place of literature among the arts]. In Sbornik esse studentov i uchashchikhsya shkol po itogam mezdunarodnykh konkursov esse ot 10.12.2022: materialy konkursov [Collection of essays by students and schoolchildren based on the results of international essay competitions from 10.12.2022: Competition materials] (pp. 108–109). Nizhny Novgorod.
13. Turysheva, O. N. (2018). Evolyutsiya syuzhetno-motivnogo kompleksa v khudozhestvennom narrative o chitatele [Evolution of the plot-motive complex in the artistic narrative about the reader]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], (2), 151–161.

14. Usherovich, P. E. (2015). Motives in Shakespeare's "As You Like It", Coinciding with World Literature. Slovo. Predlozheniye. Tekst: analiz yazykovoy kultury [Word. Sentence. Text: Analysis of language culture], (8), 87–93.
15. Ziman, L. Ya. (2021). Literaturno-khudozhestvennyye proizvedeniya na ostryye temy [Literary and artistic works on acute topics]. Nachalnaya shkola [Elementary School], (5), 61–65.